

верженцев старой Руси. Пятью годами позднее в «Способе» обнаруживается другая позиция. Хотя он тут еще далек от того, чтобы критиковать западноевропейскую культуру, тон его меняется: сторонники старомосковской культуры, которых до сих пор он хотел раздражить, должны теперь успокоиться. (Они действительно успокоились: в 1745 г. по распоряжению Святейшего Синода и в обход других профессоров Тредиаковский назначается профессором Академии).⁴⁸

Нельзя, например, не заметить апологетический тон, когда Тредиаковский в «Способе» обосновывает свое обращение к языческой мифологии.⁴⁹ Особенно показателен следующий момент. С целью эпатажа в свое время он подчеркивал, что тема переведенного им романа — «сладкая любовь». ⁵⁰ Тредиаковский рассчитывал вызвать возмущение у сторонников допетровской традиции и ее религиозно-аскетической морали. Этого мало. Сравнение перевода с оригиналом обнаруживает стремление эротизировать французский текст: Тредиаковский вводит чувственные детали, выбор слов направлен на возбуждение страсти.⁵¹ И в этом отношении «Способ» обнаруживает другую позицию. Тредиаковский и здесь разрабатывает любовную тему, однако теперь он считает необходимым подчеркнуть ее благопристойность. Комментируя две элегии собственного сочинения, приведенные им как образец жанра, Тредиаковский подчеркивает, что в них изображается «не зазорная любовь», а напротив, «законная, то есть таковая, какова хвалится между благословенно любящими супругами».⁵²

Столь же готовым на компромисс выступает Тредиаковский в «Способе» по отношению к церковнославянскому языку. Его взгляд ранней поры высказан все в том же предисловии к «Езде». Тогда Тредиаковский следовал лингвистической доктрине французского классицизма и выдвигал примат разговорного языка, резко отвергая язык церковнославянский.⁵³ В речи, произнесенной в 1735 г. в Российском собрании, он подтверждает свою французскую ориентацию и настаивает на *usus loquendi* как основе русского литературного языка. Но теперь он избегает всяких выпадов против церковнославянского, напротив, носителями нормы разговорного языка он называет наряду с высшим светом высшее духовенство.⁵⁴

⁴⁸ Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 107; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. М., 1985. С. 164.

⁴⁹ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 390, 396. Ср.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 235.

⁵⁰ Тредиаковский В. К. К читателю // Тредиаковский В. К. Соч. Т. 3. С. 649.

⁵¹ Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия, драма, сатира. Л., 1973. С. 107.

⁵² Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 395. Позднее Тредиаковский сделает еще шаг в том же направлении: осудит любовную тематику как фривольную, скупит оставшиеся экземпляры «Езды» и сожжет их. См. об этом: Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. С. 24.

⁵³ Тредиаковский В. К. Соч. Т. 3. С. 649.

⁵⁴ Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 331.